

чтобы он ее унес. Я отлично знаю, что о. Мандонне объяснил бы эту версию так же легко, как и все остальные; но его объяснения так же схожи с текстом Данте, как *Ecce Dominus tuus* схоже с *Dominus pars hereditatis meae*. Чтобы довольствоваться подобными согласованиями, поистине нужно быть не слишком требовательным. Но эти предвзятые утверждения, напротив, ненасытны. Мы ничего не добьемся, согласившись с о. Мандонне в том, что встреча Данте с Беатриче в действительности означает принятие им пострижения. Символистская экзегеза, как у нас еще будет возможность отметить, требует гораздо большего.

V. — БЕАТРИЧЕ — НИЗШИЙ ЧИН

Читатель, несомненно, отметил то смелое утверждение, что Данте принял не только пострижение, но и посвящение в низший чин и остановился лишь на пороге иподиаконии. В этом о. Мандонне убедила следующая фраза из «Новой жизни», XIV: «Я сделал шаг в ту часть жизни, где нельзя уже идти далее, ежели хочешь воротиться». В самом деле, замечает о. Мандонне, посвящение в иподиаконию необратимо, и, кроме того, при посвящении в иподиаконию рукополагаемый выражает свою решимость, делая шаг.

Конечно, для того, кто уже убежден, что смысл «Новой жизни» насквозь теологичен, слова Данте — непреодолимое искушение. Но тому, кто просто спрашивает, что он хотел этим сказать, их смысл раскрывается иначе. Претендующий на посвящение в иподиаконы действительно делает шаг вперед в знак своей решимости, и этот последний шаг необратим; но Данте не ведет речи ни о чем подобном. Если он говорит, что «сделал шаг» в ту точку, из которой следующий шаг был бы необратимым, значит, сделанный им шаг всё ещё обратим — а это прямо противоположно тому шагу, который должен сделать посвящаемый в иподиаконы. В действительности

Данте говорит о той черте, за которой еще один шаг становится необратимым, он имеет в виду низшего клирика, стоящего на пороге иподиаконии. — Это возражение имело бы силу, если бы в жизни существовала лишь одна черта, преступив которую, уже нельзя надеяться на возвращение. Но в ней есть по меньшей мере еще одна такая черта, и Данте, как мы увидим, говорит именно о ней. Кроме того, толкование о Мандонне становится осмысленным и объяснимым в самом своем зарождении лишь в том случае, если понять его как следствие любопытного смешения. Одержимый собственной гипотезой, он думает лишь об одном — о шаге, который совершает посвящаемый в иподиаконы; поэтому он говорит: коль скоро Данте не сделал этого шага, значит, он прежде должен был сделать другой шаг, благодаря которому имел возможность сделать тот, от которого воздержался, — иначе говоря, принял посвящение в низший чин. К несчастью, тот, кто принимает посвящение в низший чин, вовсе не делает шагов. Между тем, чтобы аргументировать так, как это делает о Мандонне, необходимо истолковать дантово «*tenni i piedi*» как указание на низшую ординацию (где не нужно делать никаких шагов), потому что в высшей ординации, которой Данте не принял, нужно сделать шаг, не сделанный Данте.

Но к чему пускаться в этот лабиринт? Достаточно обратиться к главе XIV «*Vita Nuova*», чтобы увидеть, что речь в ней идет о другом и что интерпретация о Мандонне не выдерживает критики. В этой главе Данте представляет себя «уничтоженным» лицезрением Беатриче; здесь рождается то потрясение, от которого он, как ему кажется, умирает, а затем воскресает «преображенным». Это и есть, уверяет о Мандонне, «принятие низшего чина, которое Данте называет своим *новым преобразованием*»¹. Итак, с одной стороны, нам говорят о «нетвердом расположении Данте после

не Беатриче, то есть призывания, подвергает Данте в столь мощный пароксизм страсти, что он оказывается почти смертельным, а затем преображает поэта. Иначе говоря, в каждое мгновение текст Данте говорит то, что его хотят заставить сказать в подтверждение выдвинутой гипотезы.

Тем не менее, то, что говорит сам Данте, достаточно ясно. Поэт приходит в себя, очнувшись от потрясения, причиненного лицезрением Беатриче: «Когда же я немного отдохнул и мертвые духи мои воскресли, а изгнанные вернулись на свои места, я сказал моему другу такие слова: “Я сделал шаг в ту часть жизни, где нельзя уже идти далее, ежели хочешь воротиться”». Относительно чего о. Мандонне заключает: «Не знаю, какое объяснение дали бы дантоведы приведенным выше словам, но мне кажется затруднительным предложить иное приемлемое объяснение, кроме того образа мыслей, которого придерживаемся мы»¹. Я не дантовед, но дерзну принять вызов. «Приведенные выше слова» Данте вовсе не означают: я сделал шаг, которого не нужно делать, чтобы принять посвящение в низший чин. Они означают в точности следующее: еще немного, и я был бы мертв.

VI. — БЕАТРИЧЕ — ВЕРВЬ

Разработав в полную меру смежные поля «Новой жизни» и «Пира», о. Мандонне не мог не приложить свою гипотезу к «Божественной Комедии». Из его доводов я оставляю в стороне общие дискуссионные темы, чтобы сосредоточиться на позитивных доказательствах, которые он объявляет единственно возможными ориентирами в споре: «Даёт ли нам Данте на страницах *Божественной Комедии* какое-либо позитивное указание на свое посвящение в церковнослужители?» Отныне вопрос ставится таким образом. О. Мандонне ограничивается двумя наиболее важными пунктами, которые, сле-